ВЕЧНАЯ ПОЭЗИЯ

РОБЕРТ РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Не думай о секундах свысока

Роберт Иванович Рождественский
Александр Мурашов
Не думай о секундах свысока

Серия «Вечная поэзия»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42661005
Не думай о секундах свысока: АСТ; Москва; 2019
ISBN 978-5-17-112523-3

Аннотация

Роберт Рождественский – ярчайший представитель поколения «шестидесятников» наряду с Евгением Евтушенко, Владимиром Высоцким, Андреем Тарковским, Андреем Вознесенским. Нерв его стиха близок нескольким поколениям читателей. Рождественский, создав поэтические портреты целых эпох, говорит с нами о молодости и зрелости, о самореализации человека, о великой войне, мужестве и трусости, любви и верности. О том, что всегда волновало и волнует думающего человека…

Содержание

Начало 8
«Вернуться б к той черте…» 8
Начало 11
Юноша на площади 14
История 16
Да, мальчики! 20
Старые фотографии 25
«Мы…» 29
«Все хочу я увидеть…» 31
«Родных разыскиваю…» 33
Я жизнь люблю! 35
Утро 35
Творчество 40
Сын Веры 43
Стихи о моем имени 46
«Подступала поэма…» 50
Сказка о кузнеце, укравшем лошадь 52
Друг 55
«Сначала в груди возникает надежда…» 58
День 59
Мираж 61
Последнее 64
Поступки надо совершать 66

«Не стоит…» 66
Баллада о молчании 68
Баллада о спасенном знамени 74
Баллада о зенитчицах 78
Конец ознакомительного фрагмента. 80

Роберт Рождественский
Не думай о секундах свысока

Составитель – Александр Мурашов.

© Рождественский Р.И., наследники, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Начало

«Вернуться б к той черте…»

Вернуться б к той черте,
        где я был мной.
Где прилипает к пальцам
хлеб ржаной.
И снег идет.
И улица темна.
И слово «мама» —
        реже, чем «война».
Желания мои скупы.
Строги.
Вся биография —
        на две строки.
И в каждой строчке
        холод ледяной…
Вернуться б к той черте,
        где я был мной.
Вернуться бы,
вернуться б к той черте,
где плачу я в полночной духоте,
где очень близко
        губы и глаза,

где обмануть нельзя,
смолчать нельзя.
Измены —
        даже мысленно —
                страшны.
А звездам в небе
тесно от луны.
Все небо переполнено луной…
Вернуться б к той черте,
        где я был мной.
Не возвращаться б
        к той черте,
                когда
становится всесильной немота.
Ты бьешься об нее.
Кричишь,
        хрипя.
Но остается крик внутри тебя.
А ты в поту.
Ты память
        ворошишь.
Как безъязыкий колокол, дрожишь.
Никто не слышит крика твоего…
Я знаю страх.
Не будем
        про него.
Вернуться б к той черте,
        где я был мной.
Где все впервые:

светлый дождь грибной,
который по кустарнику бежит.
И жить легко.
И очень надо
        жить!

Начало

Я родился —
нескладным и длинным —
в одну из влажных ночей.
Грибные июньские ливни
звенели,
как связки ключей.
Приоткрыли огромный мир они,
зайчиками прошлись по стене.

«Ребенок
удивительно смирный…» —
врач сказал обо мне.
…А соседка достала карты,
и они сообщили,
что
буду я не слишком богатым,
но очень спокойным зато.
Не пойду ни в какие бури,
неудачи
смогу обойти
и что дальних дорог
не будет
на моем пути.
Что судьбою,

мне богом данной
(на ладони вся жизнь моя!),
познакомлюсь
с бубновой дамой,
такой же смирной,
как я…
Было дождливо и рано.
Жить сто лет
кукушка звала.
Но глупые карты
врали!
А за ними соседка
врала!
Наврала она про дорогу.
Наврала она про покой…
Карты врали!..
И слава богу,
слава людям,
что я не такой!
Что по жилам бунтует сила,
недовольство собой храня.
Слава жизни!
Большое спасибо
ей
за то, что мяла меня!
Наделила мечтой богатой,
опалила ветром сквозным,
не поверила
бабьим картам,

а поверила
ливням грибным.

Юноша на площади

Он стоит перед Кремлем.
А потом,
        вздохнув глубоко,
шепчет он Отцу и Богу:
«Прикажи…
И мы умрем!..»
Бдительный,
        полуголодный,
молодой,
знакомый мне, —
он живет в стране свободной,
самой радостной стране!
Любит детство вспоминать.
Каждый день ему —
        награда.
Знает то, что надо знать.
Ровно столько,
сколько надо.
С ходу он вступает в спор.
как-то сразу сатанея.
Даже
        собственным сомненьям
он готов давать отпор.
Жить он хочет не напрасно,
он поклялся

жить в борьбе.
Все ему предельно ясно.
в этом мире
и в себе.
Проклял он
врагов народа.
Верит, что вокруг друзья.
Счастлив!..

…А ведь это я —
пятьдесят второго года.

История

История!
Пусть я —
        наивный мальчик.
Я верил слишком долго,
слишком искренне,
что ты —
        точнее
                всяких математик,
бесспорней
самой тривиальной
истины…

Но что поделать —
        мальчики стареют.
Твои ветра
по лицам их секут…
Секунды предъявляют счет столетьям!
Я говорю от имени
секунд…

История —
        прекрасная, как зарево!
История —

проклятая, как нищенство!
Людей преображающая заново
и отступающая
перед низостью.
История —
прямая и нелепая!
Как часто называлась ты —
припомни! —
плохой,
когда была
великолепною!
Хорошей —
хоть была
постыдно
подлой!
Как ты зависела
от вкусов мелочных.
От суеты.
От тупости души.
Как ты боялась властелинов,
мерящих
тебя на свой
придуманный аршин!

Тобой клянясь,
народы одурманивали.
Тобою прикрываясь,
земли

грабили!
Тебя подпудривали.
И подрумянивали.
И перекрашивали!
И перекраивали!
Ты наполнялась
криками истошными
и в великаны
возводила
хилых…

История!
Веселая
история!
Послушай!
Ты ж не просто
пыль архивов!
История!..
Сожми сухие пальцы.
Живое сердце
людям отвори.
Смотри,
как по-хозяйски
просыпаются
бессмертные создатели твои!
Они проглатывают
немудреный завтрак.
Торопятся.

Целуют жен своих.
Они
        уходят!
И зеленый запах
взволнованно окутывает их.
Им солнце бьет в глаза.
Гудки
        аукают.
Плывет из труб
        невозмутимый дым…
Ты станешь
самой точною
наукою!
Ты станешь.
Ты должна.
Мы
так
хотим.

Да, мальчики!

Мы – виноваты.
Виноваты очень:
Не мы
        с десантом
                падали во мглу.
И в ту —
        войной затоптанную —
                осень
мы были не на фронте,
        а в тылу.
На стук ночной
        не вздрагивали боязно.
Не видели
        ни плена,
                ни тюрьмы!
Мы виноваты,
что родились поздно.
Прощенья просим:
виноваты мы.
Но вот уже
        и наши судьбы
                начаты.
Шаг первый сделан —
        сказаны слова.
Мы начаты —

то накрепко,
то начерно.
Как песни,
как апрельская трава…
Мы входим в жизнь.
Мы презираем блеянье.
И вдруг я слышу разговор о том,
что вот, мол, подрастает поколение.
Некстати… Непонятное…
Не то…
И некто —
суетливо и запальчиво, —
непостижимо злобой
увлечен,
уже кричит,
в лицо нам
тыча пальцем:
«Нет, мальчики!»
Позвольте,
он – о чем?
О чем?
Нам снисхождения не надо!
О чем?
И я оглядываю их:
строителей,
поэтов,
космонавтов —
великолепных мальчиков моих.
Не нам брюзжать,

не нам копить обиды:
И все ж таки
        во имя
                всей земли:
«Да, мальчики!»
Которые с орбиты
        космической
в герои
        снизошли!
Да, мальчики,
веселые искатели,
отбившиеся
от холодных рук:
Я говорю об этом
        не напрасно
и повторять готов
        на все лады:
Да, мальчики в сухих морозах Братска!
Да, мальчики в совхозах Кулунды!
Да,
        дерзновенно
                умные
                        очкарики —
грядущее
        неслыханных наук!
Да, мальчики,
в учениях тяжелых,
        окованные
                строгостью

брони.
Пижоны?
Ладно.
Дело
не в пижонах.
И наше поколенье —
не они.
Пусть голосят
о непослушных детях
в клубящемся
искусственном дыму
лихие спекулянты
на идеях,
не научившиеся
ничему.
А нам смешны
пророки
неуклюжие.
Ведь им ответить сможем мы сполна.
В любом из нас клокочет революция.
Единственная.
Верная.
Одна.
Да, мальчики!
Со мною рядом встаньте
над немощью
придуманной
возни.
Да, мальчики!

Работайте, мечтайте.
И ошибайтесь,
дьявол вас возьми!
Да, мальчики,
        выходим в путь негладкий!
Боритесь
        с ложью!
Стойте на своем!
Ведь вы не ошибетесь
        в самом главном.
В том флаге, под которым мы живем!

Старые фотографии

Может,
        слишком старательно
я по прожитым дням бегу…

Старые фотографии,
зачем я вас берегу?
Тоненькие,
        блестящие,
гнущиеся, как жесть…
Вот чье-то лицо пустяшное,
вот чей-то застывший жест.
Вот детство вдали маячит,
кличет в свои края.

Этот насупленный мальчик —
неужто таким
был я?!
Фотограф по старой привычке
скажет:
«А ну, гляди:
отсюда
        вылетит птичка.
Ты только смирно сиди».

Он то говорит, что должен, —
профессиональный тон.
«Не вылетела?
Ну что же…
Ты приходи
        потом».
И мальчишка на улицу выйдет
и будет думать, сопя:
«Когда ж эта птичка вылетит?
Какая она из себя?
Синяя или оранжевая?»
И мальчишка не будет спать.

К дому,
        где фотография,
он утром придет опять.
Будет взгляд у фотографа
сумрачен и тяжел.
Он мальчика встретит недобрым:
«А-а,
        это ты пришел!
Шляется тут,
        бездельник,
а ты занимайся с ним…
Не вылетит птичка без денег.
Не вылетит!
Уяснил?»

Паренек уйдет осторожно.
Но, исполнить мечту решив,
он будет копить
на мороженом
сэкономленные
гроши.
Через неделю мальчишка
вернется к дому
        тому.
И опять
не вылетит птичка,
обещанная ему.

И фотограф тогда ответит —
будет голос жесток:
«Нет этой птицы на свете,
пойми ты это, браток.
Я говорю серьезно,
зря ты птицу искал».

И мальчишка размажет
        слезы
соленые
по щекам.
Покажется маме
на диво

смешною его беда,
что птичка из объектива
не вылетит
никогда…
Он будет плакать.
Не скоро
он забудет свою мечту.

А потом он окончит школу.
А после пойдет в институт.
Поймет он,
        как слово
                дорого.
Повзрослеет.
Выйдет в отцы.

И все же
        не будет любить
фотографов
за то, что они…
лжецы.

«Мы…»

Мы
        в ревущих колоннах,
как в газетных
        колонках.
Однозначные
буквы
от Амура
до Буга.
По-крестьянски
        корявы,
по-боярски
        нарядны —
станем рядом,
и сразу
образуется
        фраза!
Та, что с громом
на равных.
Та, что мир
        осветила.
Это – мы!
От заглавных
до слепого
        петита.
Продолженье сказаний

на ветру
        ошалелом…
Кто нас пишет?
Мы сами!
Чем нас пишут?
Железом!
Сквозь разводы подпалин
мы, как пот,
        проступаем.
И Гераклы.
И Будды.
И бессмертье.
И злоба…

Мы в Истории —
        буквы.
Лишь немногие —
        слово.

«Все хочу я увидеть…»

Все хочу я увидеть.
Хочу испытать
        все, кроме смерти,
и услышать все шепоты мира
и все его грохоты.
Но даже и то, что небесный Госплан
        отпустил мне по смете,
я честно приму.
И вместе с друзьями
        потрачу до крохотки…
Все желания могут исполниться,
        кроме самого яркого —
колеса машины времени
        ржавеют – несмазаны…
А мне б
откусить
от того матросского яблочка!
А мне бы
почуять
рукопожатье товарища маузера!..
Это вовсе не кровь,
        это время в жилах играет.
Пусть потом разберутся,
        кто гений,
                кто трус,

кто воин.
Ведь не тогда человек умирает,
когда умирает,
а тогда, когда говорит:
«Я собой доволен…»
Я собой доволен…
И можно готовить деньги,
заказывать место на кладбище
и траурный выезд…

А в соседнем сквере
кудахчут хорошо одетые дети.
И не знают еще,
что им досталась эпоха —
на вырост!
Мы об этом тоже не знали.
Мы не верили, что состаримся.
И что однажды
на сердце у каждого
истина выжжется:
никогда не бывает Счастье
конечной станцией!..
…Потому-то и кружится этот мир.
Потому он
и движется.

«Родных разыскиваю…»

Родных разыскиваю,
        родных…
Веселый хруст
сухарей ржаных.
Два слова,
        сказанных невзначай.
В горячих кружках
бесцветный чай.

Родных разыскиваю,
        родных…
Детдом вспоил меня,
как родник.
Ребята
        с временем обнялись.
(Имен не помню.
Не помню лиц…)

Родных разыскиваю,
        родных…
Курящих
в тамбурах ледяных.
Солдат

небритых, как будто лес.
«Не дрейфь, малец!
Победим,
малец!..»

Родных разыскиваю,
родных…
Не смог бы я ничего без них.
Зову:
откликнись,
моя родня…

О, если б кто-то
искал меня!

Я жизнь люблю!

Утро

Владимиру Соколову

Есть граница между ночью и утром,
между тьмою
        и зыбким рассветом,
между призрачной тишью
и мудрым
ветром…

Вот осиновый лист трясется,
до прожилок за ночь промокнув.
Ждет,
        когда появится солнце…
В доме стали заметней окна.
Спит,
        раскинув улицы,
                город,
все в нем —
        от проводов антенных
до замков,

до афиш на стенах, —
все полно ожиданием:
скоро,
скоро!
скоро!! —
вы слышите? —
скоро
птицы грянут звонким обвалом,
растворятся,
сгинут туманы…
Темнота заползает
в подвалы,
в подворотни,
в пустые карманы,
наклоняется над часами,
смотрит выцветшими глазами
(ей уже не поможет это) —
и она говорит голосами
тех,
кто не переносит
света.
Говорит спокойно вначале,
а потом клокоча от гнева:
– Люди!
Что ж это?
Ведь при мне вы
тоже кое-что
различали.
Шли,

с моею правдой не ссорясь,
хоть и медленно,
да осторожно…
Я темней становилась нарочно,
чтобы вас не мучила совесть,
чтобы вы не видели грязи,
чтобы вы себя
не корили…
Разве было плохо вам?
Разве
вы об этом тогда
говорили?
Разве вы тогда понимали
в беспокойных красках рассвета?
Вы за солнце
луну принимали.
Разве я
виновата в этом?

Ночь, молчи!
Все равно не перекричать
разрастающейся в полнеба зари.
Замолчи!
Будет утро тебе отвечать.
Будет утро с тобой говорить.

Ты себя оставь

для своих льстецов,
а с такими советами к нам
не лезь —
человек погибает в конце концов,
если он скрывает
свою болезнь.
…Мы хотим оглядеться
и вспомнить теперь
тех,
кто песен своих не допел до утра…
Говоришь,
что грязь не видна при тебе?
Мы хотим ее видеть!
Ты слышишь?
Пора
знать,
в каких притаилась она углах,
в искаженные лица врагов взглянуть,
чтобы руки скрутить им!
Чтоб шеи свернуть!

…Зазвенели будильники на столах.
А за ними
нехотя, как всегда,
коридор наполняется скрипом дверей,
в трубах
с клекотом гулким проснулась вода.

С добрым утром!
Ты спишь еще?
Встань скорей!
Ты сегодня веселое платье надень.
Встань!
Я птицам петь для тебя велю.
Начинается день.
Начинается
        день!
Я люблю это время.
Я
жизнь люблю!

Творчество

Э. Неизвестному

Как оживает камень?
Он сначала
не хочет верить
        в правоту резца…
Но постепенно
из сплошного чада плывет лицо.
Верней —
        подобие лица.
Оно ничье.
Оно еще безгласно.
Оно еще почти не наяву.
Оно еще
безропотно согласно
принадлежать любому существу.
Ребенку,
        женщине,
                герою,
                старцу…
Так оживает камень.
Он —
        в пути.
Лишь одного не хочет он:
остаться

таким, как был.
И дальше не идти…
Но вот уже
        с мгновением великим
решимость Человека сплетена.
Но вот уже
        грудным, просящим криком
вся мастерская
до краев полна:
«Скорей!
        Скорей, художник!
Что ж ты медлишь?
Ты не имеешь права
        не спешить!
Ты дашь мне жизнь!
Ты должен.
Ты сумеешь.
Я жить хочу!
Я начинаю
        жить.
Поверь в меня светло и одержимо.
Узнай!
Как почку майскую, раскрой.
Узнай меня!
Чтоб по гранитным жилам
пошла
        толчками
                каменная кровь.
Поверь в меня!..

Высокая,
живая,
по скошенной щеке
        течет слеза…
Смотри!
Скорей смотри!
Я открываю
печальные
        гранитные глаза.
Смотри:
я жду взаправдашнего ветра.
В меня уже вошла
        твоя весна!..»
А человек,
который создал
        это,
стоит и курит около окна.

Сын Веры

Я —
        сын Веры…
Я давно не писал тебе писем,
        Вера Павловна.
Унесли меня ветры,
напевали мне ветры
        то нахально,
                то грозно,
                то жалобно.
Я —
        сын Веры.
О, как помогла ты мне, мама!
Мама Вера…
Ты меня на вокзалах пустых обнимала,
мама Вера.
Я —
        сын Веры.
Непутевого сына
        ждала обратно
мама Вера…
И просила в письмах
        писать только правду
мама Вера…
Я —
        сын Веры!

Веры не в бога,
не в ангелов, не в загробные штуки!
Я —
сын веры в солнце,
которое хлещет
сквозь рваные тучи!
Я —
сын веры в труд человека.
В цветы на земле обгорелой.
Я —
сын веры!
Веры в молчанье
под пыткой!
И в песню перед расстрелом!
Я —
сын веры в земную любовь,
ослепительную, как чудо.
Я —
сын веры в Завтра —
такое, какое хочу я!
И в людей,
как дорога, широких!
Откровенных.
Стоящих…
Я —
сын Веры,
презираю хлюпиков!
Ненавижу плаксивых и стонущих!..
Я пишу тебе правду,

мама Вера.
Пишу только правду…
Дел – по горло!
Прости,
я не скоро
вернусь обратно.

Стихи о моем имени

Ояру Вациетису

Мне говорят:
«Послушайте,
        упрямиться чего вам?
Пришла пора исправить ошибки отцов.
Перемените имя.
Станьте
        Родионом.
Или же Романом, в конце концов…»
Мне это повторяют…

А у меня на родине
в начале тридцатых
        в круговерти дней
партийные родители
называли Робертами
спеленатых,
        розовых,
                орущих парней…
Кулацкие обрезы ухали страшно.
Кружилась над Алтаем рыжая листва…
Мне шепчут:
«Имя Роберт

пахнет иностранщиной…»
А я усмехаюсь на эти слова.
Припомнитесь, тридцатые!
Вернись, тугое эхо!
Над миром неустроенным громыхни опять.
Я скажу о Роберте,
о Роберте Эйхе!
В честь его
стоило детей называть!

Я скажу об Эйхе.
Я верю: мне знаком он —
большой,
неторопливый, как река Иртыш…
Приезжал в Косиху секретарь крайкома.
Веселый человечище.
Могучий латыш.
Он приезжал в морозы,
по-сибирски лютые,
своей несокрушимостью
недругов разя.
Не пахло иностранщиной!
Пахло
Революцией!
И были у Революции
ясные глаза…
А годы над страною летели громадно.
На почерневших реках

дождь проступал,
как сырь…
Товарищ Революция!
Неужто ты обманута?!
Товарищ Революция,
где же твой сын?
В какую мглу запрятан?
Каким исхлестан ветром?
Железный человечище.
Солдат Октября.
Какими подлецами
растоптан,
оклеветан?..
Неужто, Революция,
жизнь его – зря?!
От боли, от обиды
напрягутся мышцы.
Но он и тогда не дрогнет,
все муки стерпя.
В своем последнем крике,
в последней самой мысли,
товарищ Революция,
он верил в тебя!..
Да будет ложь бессильной.
Да будет полной правда…
Ты слышишь, Революция,
знамен багровых
плеск?
Во имя Революции —

торжественно и прямо —
навстречу письмам
Эйхе
встает партийный съезд!
Рокочет «Интернационал»
весомо и надежно.
И вот,
проклиная жестокое вранье,
поет Роберт Эйхе —
мой незабвенный тезка!..

Спасибо вам, родители,
за имя мое…
Наверно, где-то ждет меня
мой последний
день.
Кипят снега над степью.
Зубасто встали надолбы…
Несем мы имена
удивительных людей.
Не уронить бы!
Не запятнать бы!

«Подступала поэма…»

Подступала поэма.
Она изводила меня.
То манила доступностью легкой,
а то не давалась.
Подступала поэма.
Звучать начинала, дразня.
А потом
за границами голоса
вдруг оставалась…
Если я уезжал,
то она меня честно ждала,
терпеливо ждала
на ступенях у самого дома.
Подступала поэма.
Невнятной и точной была.
Сумасшедшей и невозмутимой.
Жестокой и доброй…
А однажды приснилось мне:
я нахожусь на посту.
И ночная дорога,
как пеной,
туманом закрыта.
Вдруг почувствовал я,
как приходит
в мою немоту

ощущение ритма,
звенящая яростность
ритма!
Этим медленным ритмом
я был, будто льдами,
затерт.
Он во мне тяжело нарастал,
колыхаясь и зрея…
– Кто идет? —
закричал я.
– Стой!
Кто идет?
И услышал спокойный ответ:
– Время.

Сказка о кузнеце, укравшем лошадь

Был кузнец непьющим.
Ел, что Бог предложит.
То ли от безумия, то ли от забот
он украл однажды у соседа лошадь.
Кузнеца поймали.
И собрали сход…

Дали слово старцу.
Распростер он руки.
Покатились слезы из-под дряблых век:
«Люди!
Я заплакал от стыда и муки!..
Вор
        у нас в деревне!
Мерзкий человек!..
Мне стоять с ним больно.
Мне дышать – противно!
Пусть не станет вора на святой Земле!..»

Зашептались люди.
В общем, выходило:
кузнецу придется кончить жизнь в петле…
И тогда поднялся старец

(очень древний!).
От волненья вздрагивал седины венец.
Он сказал:
«Подумаем, жители деревни!..
Что украли?
Лошадь.
Кто украл?
Кузнец!!
Он у нас – единственный!
Нужный в нашей жизни.
Без него – погибель!
Бог ему судья…
Мы,
повесив вора, кузнеца лишимся!
Выйдет, что накажем
мы самих себя!
Вдумайтесь!..»
И люди снова зашептались.
Спорам и сомненьям не было конца…
И тогда поднялся самый главный Старец:
«Правильно!
Не надо вешать кузнеца!..
Пусть за свой проступок он заплатит деньги!..
А поскольку этот разговор возник —
есть у нас два бондаря.
Двое!
И – бездельники!..
Лучше мы повесим одного из них…»
Умные селяне под домам расходятся.

Курят.
Возвращаются к мирному труду…

Кузнецом единственным
быть мне очень хочется!

Если ненароком
лошадь
украду.

Друг

Мы цапаемся жестко,
Мы яростно молчим.
Порою —
        из пижонства,
порою —
        без причин.
На клятвы в дружбе крупные
глядим, как на чуму.
Завидуем друг другу мы,
не знаю почему…
Взираем незнакомо
с придуманных высот,
считая,
        что другому
отчаянно везет.
Ошибок не прощаем,
себя во всем виним.
Звонить не обещаем.
И все ж таки звоним!

Бывает:
в полдень хрупкий
мне злость моя нужна.
Я поднимаю трубку:

«Ты дома,
        старина?..»
Он отвечает:
«Дома…
Спасибо – рад бы…
Но…»
И продолжает томно,
и вяло,
и темно:
«Дела…
        Прости…
                Жму руку…»
А я молчу, взбешен.
Потом швыряю трубку
и говорю:
«Пижон!!»

Но будоражит в полночь
звонок из темноты…
А я обиду помню.
Я спрашиваю:
«Ты?»
И отвечаю вяло.
Уныло.
Свысока.
И тут же оловянно
бубню ему:
«Пока…»

Так мы живем и можем,
ругаемся зазря.
И лоб в раздумьях морщим,
тоскуя и остря.
Пусть это все мальчишеством
иные назовут.

Листы бумаги
чистыми
четвертый день живут, —
боюсь я слов истертых,
как в булочной ножи…
Я знаю:
он прочтет их
и не простит мне
лжи!

«Сначала в груди возникает надежда…»

Сначала в груди возникает надежда,
неведомый гул посреди тишины.
Хоть строки
еще существуют отдельно,
они еще только наитьем слышны.
Есть эхо.
Предчувствие притяженья.
Почти что смертельное баловство…

И – точка.
И не было стихотворенья.
Была лишь попытка.
Желанье его.

День

И опять он рождается
в зябком окне.
Барабанит в стекло,
будто просит помочь.
В нем —
коротком,
еще не потерянном дне —
непрерывная боль,
сумасшедшая мощь!..
«Суета!» – говоришь?
«Принесет – унесет?»
Говоришь, что поэту
гораздо важней
о бессмертии думать
и с этих высот
обращаться к векам
через головы дней?..
Я не ведаю,
чем тебя встретят
века…
Для спешащего дня
я кричу и шепчу.
И останется после
хотя бы строка —
я не знаю.

Я знаю.
Я знать не хочу.

Мираж

Дежурный закричал:
– Скорей сюда!
Мираж!
        смотрите!
Все сюда!
Скорей!.. —
И резко отодвинута еда.
И мы вываливаемся из дверей.

Я ждал всего.
Я был готов к любому:
к цветам и пальмам
        в несколько рядов,
к журчащему прибою голубому,
к воздушным башням
        древних городов.
Ведь я читал,
как над песком
бесстыдно
вставали
        эти памятники лжи.
Ведь я читал,
как жителей пустыни
с дороги уводили

миражи…
Ведь я читал,
ведь я об этом знаю:
слепящим днем,
как в полной темноте,
шагали
люди,
солнце проклиная,
брели
к несуществующей воде.

Но здесь…
– Да где мираж?!
– А очень просто.
Туда смотри!..

Я замер,
поражен:
на горизонте
плавали
торосы
вторым,
не очень ясным этажом.
Они переливались
и дрожали…
Я был готов к любому.
Ждал всего…

Но Арктика!
Ты даже
миражами
обманывать
не хочешь никого.

Последнее

И. Кобзону

За окном заря красно-желтая.
Не для крика пишу,
а для вышептыванья.
Самому себе.
        Себе самому.
Самому себе.
Больше – никому…
Вновь душа стонет,
        душа не лжет.
Положу бинты,
где сильнее жжет.
Поперек души
положу бинты.
Хлеба попрошу,
        попрошу воды.
Вздрогну.
Посмеюсь над самим собой:
может, боль уйдет,
может, стихнет боль!
А душа дрожит —
        обожженная…

Ах, какая жизнь протяженная!

Поступки надо совершать

«Не стоит…»

Не стоит
от себя бежать,
глаза потупив…
Поступки
надо совершать!
Одни поступки!

Поступок —
в трусе разбудить
замах героя.
Поступок —
жить,
не затвердив
чужие роли.
Поступок —
быть собой
в дыму
и клятве пылкой.
Поступок —
вопреки всему

молчать под пыткой!
Поступок —
                много долгих дней
гореть,
а после
порвать поэму,
        если в ней
хоть капля
позы.
Прикажет время зубы сжать —
не протестуйте.
Поступки
        надо совершать!
Одни поступки!
И кровь твоя
        через ничто,
дымясь,
проступит…

Ведь если жизнь – поступок,
то
и смерть —
поступок.

Баллада о молчании

Был ноябрь
по-январски угрюм и зловещ.
Над горами метель завывала.
Егерей
из дивизии «Эдельвейс»
наши
сдвинули с перевала…

Командир
поредевшую роту собрал
и сказал тяжело и спокойно:
«Час назад
меня вызвал к себе генерал.
Вот, товарищи,
дело какое:
Там – фашисты.
Позиция немцев ясна.
Укрепились надежно и мощно.
С трех сторон – пулеметы,
с четвертой – стена.
Влезть на стену
почти невозможно…
Остается надежда
на это “почти”.

Мы должны —
понимаете, братцы? —
нынче ночью
        на чертову гору
                вползти.
На зубах —
но до верха добраться!..»

А солдаты глядели на дальний карниз,
и один —
        словно так, между прочим, —
вдруг спросил:
– Командир,
может, вы – альпинист?..
Тот плечами пожал:
– Да не очень…
Я родился и вырос в Рязани,
        а там
горы встанут,
наверно, не скоро…
В детстве
        лазал я лишь по соседским садам.
Вот и вся «альпинистская школа»…
А еще
        (он сказал, как поставил печать!)
там у них —
патрули!
Это значит:

если кто-то сорвется,
        он должен молчать.
До конца.
И никак не иначе…
…Как восходящие капли дождя,
как молчаливый вызов,
лезли,
        наитием находя
трещинку,
выемку,
выступ.
Лезли,
        почти сроднясь со стеной, —
камень
светлел под пальцами.
Пар
        поднимался над каждой спиной
и становился
панцирем.
Молча
        тянули наверх свои
каски,
гранаты,
судьбы.
Только дыхание слышалось
и
стон
сквозь сжатые зубы…
Дышат друзья.

Терпят друзья.
В гору
ползет молчание.
Охнуть – нельзя.
Крикнуть – нельзя.
Даже —
слова прощания.
Даже —
когда в озноб темноты,
в черную прорву
ночи,
все понимая,
рушишься ты,
напрочь
срывая
ногти!
Душу твою ослепит на миг
жалость,
что прожил мало…
Крик твой истошный,
неслышный крик
мама услышит.
Мама…

…Лезли
те,
кому повезло.
Мышцы в комок сводило —

лезли!
(Такого
        быть не могло!!
Быть не могло.
Но – было…)
Лезли,
        забыв навсегда слова,
глаза напрягая
        до рези…
Сколько прошло?
Час или два?
Жизнь или две?
Лезли!!
Будто на самую
        крышу войны…
И вот,
почти как виденье,
из пропасти
        на краю стены
молча
        выросли
                тени.
И так же молча —
сквозь круговерть
и колыханье мрака —
шагнули!
Была
        безмолвной, как смерть,
страшная их атака!..

Через минуту
растаял чад
и грохот
короткого боя…

Давайте и мы
иногда
молчать,
об их молчании
помня.

Баллада о спасенном знамени

Утром
        ярким, как лубок.
Страшным.
Долгим.
Ратным.
Был разбит
        стрелковый полк.
Наш.
В бою
        неравном.
Сколько полегло парней
в том бою —
не знаю.
Засыхало —
без корней —
полковое знамя.
Облака
        печально шли
над затихшей битвой.
И тогда
с родной земли
встал
        солдат
                убитый.
Помолчал.

Погоревал.
И —
        назло ожогам —
грудь свою
забинтовал
он
багровым шелком.
И подался на восток,
отчим домом
        бредя.
По земле
        большой, как вздох.
Медленной,
        как время.
Полз
пустым березняком.
Шел
лесным овражком.
Он себя
        считал
                полком
в окруженье
вражьем!
Из него он
        выходил
грозно и устало.
Сам себе
        и командир,
и начальник штаба.

Ждал он
часа своего,
мстил
врагу
кроваво.
Спал он в поле,
и его
знамя
        согревало…
Шли дожди.
Кружилась мгла.
Задыхалась
        буря.
Парня
        пуля
                не брала —
сплющивалась
пуля!
Ну, а ежели
        брала
в бешенстве напрасном —
незаметной
        кровь была,
красная
на красном…
Шел он долго,
        нелегко.
Шел
        по пояс в росах,

опираясь на древко,
как на вещий
посох.

Баллада о зенитчицах

Как разглядеть за днями след нечеткий?
Хочу приблизить к сердцу этот след…
На батарее
        были сплошь девчонки.
А старшей было
восемнадцать лет.
Лихая челка над прищуром хитрым,
бравурное презрение к войне…

В то утро танки вышли прямо к Химкам.
Те самые.
С крестами на броне…
И старшая,
        действительно старея,
как от кошмара заслонясь рукой,
скомандовала тонко:
– Батарея-а-а!
(Ой, мамочка!..
Ой, ро́дная!..)
Огонь! —
И —
        залп!..
И тут они заголосили,
девчоночки,

запричитали всласть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.